

Никита Даховский

ЗАНАВЕС

Новая роль. Что она готовит для меня? Еще один сценарий, еще одна отыгранная жизнь. От жаждающих окунуться в мир новой истории меня отделяет одна бархатная красная портьера. О чем они думают? О своих проблемах или о том, что увидят на сцене?

Сейчас очень мрачное время, все как будто бы сгущается. И люди чувствуют это. Они каждое утро просыпаются и чувствуют страх, тревогу в душе. Все говорят о грядущем конце света, но я в это не верю, у каждого конец света наступает по-своему, в душе. Закончиться свет может в перегоревшей лампочке, но никак не во Вселенной. Люди улыбаются, ходят по улицам, занимаются своими делами, но у всех на уме одно: конец — какой он?

В зале я услышал хлопки и восклицания, они звали меня на сцену. Тут было темно, я попросил, чтобы команда ушла по своим делам, моя первая сцена — это монолог длиною в тысячу слов. Мне дали сценарий, но мне он не нужен. Чтобы донести до людей то, что я хочу им сказать, по-настоящему, мне не нужны исписанные клочки бумаги. Это все искусство, настоящее искусство рассказать людям то, что они знают сами, очень глубоко в душе, но

боятся признаться себе в этом. То, о чем они думают каждый день, но в итоге рассказывают это самим себе. Проблемы, мысли, идеи, мечты — им кажется, что все это глупо, что никому это не интересно, и поэтому делают все, что делают все остальные. Ходят на работу, ездят на семейные обеды, живут и общаются с людьми, которые давно уже им неинтересны. Потому что так делают все.

Чтобы люди обратились к самим себе и поняли, что для них главное в жизни, нужно обратиться к ним первым, показать им скандал. Да, именно, «скандал» — подходящее слово. Ситуация, которая является переходной точкой осознания. Скандал — это абсурд, который ведет к пониманию веры. И тогда люди принимают и ценят жизнь. Сейчас они сидят в зале и ждут зрелища, ждут, что я покажу им скандал. Каждый, кто приходит сюда или на новое место, на встречу, на улицу, ждет, что вот сегодня с ним произойдет что-то необычное. Так они и живут в ожиданиях чего-то особенного. Но это неправильно, нужно делать это каждый день. Делать все необычным, творить сказку своей жизни. Тогда все будут довольны, а не ходить с мрачными лицами в ожидании чего-то невероятного.

За окном льет исторический ливень, по крайней мере для меня — такого мощного града с молниями я за всю свою жизнь не видел. Раскаты

грома будто напоминают своим рокотом о неизбежности приближающегося. Тучи сгустились, в этом видят мрачный знак. Хотя это всего лишь погода. По сути, все, что нас окружает, это всего лишь погода, фон. То, что мы делаем, — вот что по-настоящему важно, как мы творим.

Повторные овации и более громкие выкрики зрителей. Нетерпение. Еще одна черта людей. Нет созидания, нет порядка, в таком случае, на что я надеюсь, что хочу до них донести? То, что все возможно и ключ к настоящей жизни у них в руках? Может быть. А может, я просто законченный эгоист и хочу доказать сам себе, на что я способен? Много вариантов, но обычно мало ответов. Нужны ли ответы людям? Нет. Если бы они и вправду были бы нужны, то зачем было создавать вопросы? Сделать все одной истиной.

Холодно, из-за кулис прорывается сквозняк, кто-то открыл дверь. Я стою в темноте, ничего не вижу, и всего лишь обычные тканевые шторы, как бы они ни назывались, отделяют меня от людей и света. Чего же я жду? Может, как и все остальные? Что кто-то придет и сделает, откроет занавес? А может, мне нужно потянуть эту веревку и вызвать недовольство людей, ответственных за всю технику за кулисами? Я знаю только одно: сейчас я выйду и покажу людям путь. Сотворю скандал. Наконец-то объясню им, как обратиться к себе. Как начать

жизнь и не бояться действовать. Иногда кажется, что абсолютно все имеет свой загадочный смысл. Ты движешься от одного события к другому, от одной вехи своего развития к следующей, от начальной точки к финальной. И вот ты видишь резкий поворот, должно произойти что-то важное, буквально обряд инициации, непостижимое. Но за этим резким поворотом ты находишь лишь еще одну отправную точку, после которой будет следующее логическое развитие, за которым последует еще один резкий поворот... Но вот когда ты осознаешь, что вся твоя жизнь — это череда отправных точек, резких поворотов и ожиданий, ты должен остановиться на миг, вдохнуть полной грудью и двигаться с осознанием, что жизнь, любовь, Вселенная — это все часть тебя. Занавесом является все то, что мы относим к чему-то, что не касается нас. Нереальному. Необъяснимому. Если остановимся прямо сейчас и оглядимся вокруг, то сможем увидеть, что каждую секунду невероятные события вихрем закручиваются вокруг нашего мира. Многочисленные позитивные и негативные события происходят, пока вы заканчиваете читать эту строчку. Возможно, мы все-таки можем изменить происходящее, начав с себя? Мы можем сорвать занавес и дать жизнь и радость всему, что нас окружает?

Сейчас я приоткрою занавес и покажу. Мои

глаза привыкли к темноте, я увидел крепкую веревку, которая регулирует открытие занавеса. Я потянул за нее, занавес открылся. Яркий свет ударил мне в глаза, люди, сидящие на местах, начали вставать и хлопать мне. Я ничего не чувствовал, только лишь ответственность за то, правильный ли скандал я выбрал. Потихоньку зал затих. Заиграла музыка. Я вышел на середину и сказал:

— Сегодня я буду говорить о жизни и о том, что беспокоит вас сегодня!

Я достал руку из своего пиджака, кто-то закричал:

— У него револьвер!

Я ухмыльнулся и прошептал: это всего лишь еще один поворот.

Я поднес его к виску. Темно. Занавес. Овации.

ФОКУСНИК

Яркий свет. Занавес. Овации. Мужчины и женщины в красивой одежде. Очередное выступление. Фокусник уже давно не волновался. Карты, вылетающие из ниоткуда голуби, исчезающие и вновь появляющиеся вещи, левитация. Все это давно отработанные трюки. Радость в глазах зрителей. Вот что вселяет уверенность и является счастьем настоящего

фокусника. Человек, который с помощью ловкости рук, харизмы и ослепительной улыбки показывал людям линию возможностей реального, вещи, которые были за гранью человеческого понимания и в то же время настолько близкие и знакомые, что, казалось, протяни руку — и ты разгадаешь новую тайну.

Фокусник был одет во фрак, блестящие брюки и цилиндр. Белые бархатные перчатки и лакированная длинная трость, которая в его руках превращалась в волшебную палочку. Тонкие длинные усы украшали его французское благородное лицо. Очередной фокус, очередные аплодисменты, очередной пушистый кролик выпрыгнул из цилиндра. Зал разразился смехом. Было жарко, фокусник чувствовал, что устает, лицо начало гореть. «Пора завязывать с таким количеством грима», — пронеслось у него в голове. Он был учеником самого Гудини. У фокусника была семья и красивый загородный дом. Он всегда думал о хорошем, о своей жизни, когда творил волшебство. Иногда он и сам верил, что делает чудеса из ничего. Но почему здесь так жарко? Воздух словно обжигал все тело. Еще один фокус, люди в восторге. Они начали кидать цветы на сцену, крики, многие встали. Хруст ломающийся крыши и вой сирен. Заиграла музыка. Это был замечательный звук, играла пластинка Луи

Армстронга. Жарко, очень жарко. «Спасибо! — кричал фокусник. — Спасибо!»

Занавес.

* * *

Холодный воздух. Туман окутал город своим белесым покрывалом. Феликс Сандлер шел по улице, мощеной булыжником. Шел он на работу в кафе, где каждое утро подавали ароматный кофе и круассаны с джемом. Он проходил мимо заброшенного театра, в котором когда-то давали очень славные и знаменитые представления. Но во время войны большая часть бомбардировок пришлась на этот район, и театр уничтожило взрывами прямо во время выступления известного мэтра фокусов. Времени с тех пор прошло не очень много, часть города восстановили, но за театр так и не взялись. Здание было культурным достоянием, но реконструкция стоила слишком дорого. Весь район выглядит чистым и ухоженным, а театр так и стоит разрушенный, словно призрак былых времен. Здание осело, окна выбиты, со стен время от времени сыплется известка.

Вдруг Феликс услышал какие-то звуки. Это было похоже на музыку, она звучала со стороны театра. У Феликса Сандлера еще было время до начала рабочего дня. Он подошел к иссохшейся

деревянной двери с потертой окантовкой, та со скрипом отворилась, и музыка сделалась громче. Кажется, это был джаз. Феликс поднялся по обветшалой лестнице, удивляясь, как здание еще не разрушилось. Он вошел в зал. Обшарпанные зеленые кресла, большая деревянная сцена, изорванные в клочья портьеры. На сцене находился мужчина. Подходя все ближе к сцене, Феликс разглядел, что этот человек был в грязном черном костюме без обуви, однако руки его были в девственно чистых белых перчатках. Он держал длинную деревянную трость и потертый цилиндр. Лицо его было красным от ожогов. Он перемещался по сцене, двигал руками и кивал. Человек пытался что-то выкрикивать, но не издавал ни единого звука, его рот лишь беззвучно открывался и закрывался, как у рыбы в воде. Картина выглядела абсурдной.

Феликс остановился у третьего ряда и опустился в одно из кресел, которое под ним устало скрипнуло. Человек на сцене не замечал его или просто делал вид. Когда первый шок от увиденного прошел, внимание Феликса Сандлера привлек надорванный клочок бумаги под креслом. Оказалось, что это был старый билет на концерт, который гласил: «Выступление Пьера Венсана, не пропустите! Убийственное зрелище!». И тут Феликс увидел — будто чужие воспоминания вдруг

превратились в его собственные — загоревшуюся крышу и обломки, падающие на посетителей словно в замедленной съемке. Медленно и неотвратно. Люди с душераздирающими криками начали вскакивать с мест и проталкиваться к выходу, пол проваливался, шум самолетных двигателей, вспышка, огонь, сцена треснула пополам, и стоящий фокусник в дорогом фраке, глядящий на все это со спокойным выражением лица. Медленно-медленно он покручивал трость между пальцев, пока его не накрыло полыхающим потоком. Наваждение прошло, и Феликс понял, что за человек стоял перед ним на сцене. Но это было невозможно. Фокусник тем временем не прекращал своего безмолвного представления.

Вдруг он резко остановился и посмотрел Феликсу прямо в глаза. Установив зрительный контакт с фокусником, Феликс похолодел. Ему стало не по себе, и он медленно поднялся с места. Фокусник поманил его рукой, будто приглашая стать участником следующего номера. Феликс хотел развернуться и уйти, но тут его окликнул знакомый голос с задних рядов:

— Эй, парень, ты закрываешь мне весь вид!

Феликс вздрогнул и повернулся. Там сидел бакалейщик с соседней улицы, который недавно пропал и которого все разыскивали.

— Как вы здесь... — начал было Феликс, но

осекся. Люди, которых он сначала не заметил — и были ли они вообще до этого? — начали появляться в разных местах и заполнять ряды. Кресла вернули свой красивый бархатный лоск, дыры в полу начали затягиваться, а потолок, через который было видно небо, снова стал целым. Сцена восстановилась, а человек преобразился: невероятной красоты, с тонкими длинными усами, в черном фраке, блестящих туфлях и с лакированной тростью в руках.

Он стоял на сцене и манил Феликса к себе. Феликс Сандлер огляделся — все места были заполнены. Мужчины во фраках с ухоженными дамами и детьми, одетыми по моде, которая была популярна еще до войны, сидели на своих местах и безмолвно смотрели на него. Они будто бы недоумевали, почему он еще стоит и не идет к сцене, свет прожектора выделил фигуру Феликса, и у него не осталось выбора, кроме как подняться на сцену. Музыка вновь заиграла. Фокусник все так же ожидал его, протягивая руку. Он подошел и вложил свою руку в руку в белой перчатке.

Лучезарно улыбнувшись, фокусник сказал:

— Не волнуйся, Феликс, ведь вся наша жизнь — это всего лишь один большой фокус!

Феликс Сандлер еще не знал, что утром того дня, когда он вышел на работу в кафе, где подавали ароматный кофе и круассаны с джемом, его сбила

машина.

I

Голос. Что он говорит? Обрывки фраз витают в воздухе. Голоса, они становятся все громче и громче. И эта боль.

— Виновен! — звук разбивающегося стекла. Я очнулся. Вокруг тьма.

Где-то читал, что глаза привыкают к тьме постепенно. Я стал ждать, и действительно через несколько минут уже мог рассмотреть очертания комнаты. Смутные очертания двери, стол, на котором что-то блестит. Окно. Надо понять, где я. Мысли кружились в невероятном круговороте. Я подошел к окну. Хм, странно: на улице ночь, автострада, машины едут, но ни одного звука сюда не долетает. Что-то я не припомню такого места в Нью-Йорке... Стоп, Нью-Йорк. Уже что-то есть. Надо попытаться вспомнить остальное.

Подошел к двери, она закрыта. Пару ударов ничего не решили, заперта наглухо, не выломаешь.

— Эй! — собственный голос прозвучал в этом глухом месте очень странно, и я на секунду умолк.

— Как же мне это раньше в голову не пришло? — спросил себя я и продолжил: — Тут кто-нибудь есть?

Ответа не было.

После нескольких попыток открыть дверь я подошел к столу и взял в руки блестящий предмет. Это оказался флакон без этикетки. Что-то в нем настораживало. Мутное стекло, темная жидкость, крышка. Ладно, это можно оставить до поры до времени. С глухим стуком флакон опять оказался на столе.

Еще где-то час я потратил на обследование комнаты. Стучал в дверь, кричал, потом подошел к окну. Резкий удар ногой не решил дела, более того, там даже не проступило не единой трещины. Гладкая поверхность. И тут я заметил странную деталь: окно было чистым до блеска и прозрачным, но... комната в нем не отражалась. Странно. Внезапно подступила невероятная жажда, в горле тут же пересохло.

Не знаю, как другие, но лично я решил, что не мешало бы осушить флакон. В голове резко закружилось. Я медленно подошел к флакону и открутил серебряную крышку. В нос ударил резкий запах, я облизал пересохшие губы и влил в себя все содержимое флакона.

В глазах потемнело, а гулкий удар об пол серебряной крышки еще долго эхом звучал в голове.

Резкий свет ударил в глаза. Я прикрыл их рукой, но понять, где находится источник света, так и не удалось.

Комната была еще меньше предыдущей, теперь уже вообще без окон и дверей. Я сижу за столом на деревянном стуле, напротив меня кто-то есть, но разглядеть не удается. Между нами стол, на нем — револьвер.

Да откуда все-таки свет?

Совпадение, а может, меня кто-то услышал, но свет потускнел, и мне удалось разглядеть человека напротив.

— Ты? — ярость начала закипать во мне. Я узнал его, дикая ненависть прожгла меня словно огонь.

Я не задумываясь взял пистолет, взвел курок и выстрелил. Пуля очень медленно летела к человеку, можно было рассмотреть ее путь от начала и до конца. Она вылетела, пролетела короткую дистанцию и яростно впилась в тело. Я уверен, что на моем месте так поступил бы каждый.

Кровь фонтаном брызг оросила все вокруг, залила стол и меня.

И тут я почувствовал, как что-то мокрое льется по моим щекам. Нелегко вот так вот выстрелить в человека.

— Но у меня ведь не было выбора! — я прижал к себе револьвер и стал раскачиваться взад-вперед. Это понемногу успокаивало.

— Не было, не было выбора... — комната начала терять очертания и расплываться. Через

пару минут я оказался в том месте, где очнулся впервые. Только вместо револьвера, прижатого к груди, в руках у меня был ключ.

Странные вещи происходят. Я подошел к двери и вставил ключ в замочную скважину, провернул его. Дверь со скрипом отворилась. Передо мной предстала большая комната. Разнообразие благоуханий ударило в нос. Комната представляла собой длинную аллею с двумя платформами, тянущимися с двух сторон от аллеи. На платформе находились разного вида цветы и деревья.

— Оранжерея... — слово слетело с губ само собой. Потолок был очень высокий, но не обычный, как должно быть в теплицах. Он был весь испещрен фресками каких-то библейских сцен.

— Куда же я попал? — эхо громко отразилось от стен оранжереи. Только теперь я опустил взгляд и заметил, что пол зеркальный. Наконец-то я разглядел себя во всей красе, благо освещение позволяло. На стенах были вбиты скобы с факелами.

Длинное коричневое пальто, рубашка и брюки.

— Как-то слишком официально, — усмешка получилась слегка натянутой.

Короткие темные волосы, морщины, карие глаза.

— Так вот как я выгляжу... — когда я всмотрелся внимательнее в зеркало, то показалось, что фрески на потолке изменили изображение. Я увидел огонь и искаженные лики. Но нет, показалось на секунду.

— Зловещее местечко.

Гулкое эхо шагов сопровождало меня на всем пути до конца комнаты. Там был тупик, но на стене висело какое-то объявление. На плакате был изображен темный силуэт человека без очертаний лица, темный провал лица занимал большой знак вопроса. Надпись под изображением гласила:

«Очередная жертва серийного убийцы по прозвищу Хирург. Полиция Нью-Йорка опять слишком поздно оказалась на месте преступления. Девушка двадцати пяти лет была убита на одной из аллей Централ Парка на пятой авеню. Капитан полиции Феликс Винчест заверил нас, что беспокоиться не о чем, он напал на след убийцы. Но каждая новая жертва говорит нам об обратном. Кто нас защитит? Неужели на Нью-Йорк, после долгих лет спокойствия, упала тень преступности? Кто остановит ужас, летящий на крыльях ночи? Читайте детали расследования в следующем номере!»

«Нью-Йорк Таймс».

Перед глазами все начало расплываться и приобретать другие очертания.

— Что происходит!? — только и успел

крикнуть я, прежде чем в глазах померкло.

СУПЕРГЕРОЙ

Хлесткий удар. Прорезиненный татами врезается в кожу. Опять не получилось. Шлепок, снова на полу. Джесс ходила на айкидо уже второй месяц, однако хитро закрученные приемы от типичного уроженца Техаса, который выдавал себя за японского мастера, ей не удавались. Но она все равно поднималась. Грады ударов, блоки, захваты — все это было для нее в новинку. Она решила пойти на тренировки после того, как ее близкую подругу в колледже очень жестоко избили прямо у нее на глазах. Она стояла в шоке и ничем не могла помочь. После этого она твердо решила пройти серьезный курс самозащиты и быть готовой постоять за себя. Тренировка закончилась.

— Ты делаешь успехи, — разворачивая бинты на руках, похвалил тренер.

— Спасибо, — она скромно отвела глаза.

— Ну что, сегодня у меня? — его глаза сверкнули.

Дело в том, что он после первого же занятия начал ухаживать за Джесс, а после первого свидания и похода в бар она и вовсе согласилась поехать к нему домой. Это был очень резкий и грубый секс. Каждый раз он обещал не брать

деньги за тренировки или отшучивался про скидку, но всегда находились причины — то ремонт зала, то закупка нового инвентаря, и она продолжала платить.

— Сегодня я не могу, — тихо ответила она.

Он разозлился.

— Чтобы я такого больше не слышал, — он говорил тихо, но очень зло, — после следующей тренировки едем ко мне.

— Хорошо, — и выскользнула за дверь.

Холодный ветер, раскрывая свои объятия, освежающе дохнул на Джесс морозом. Начался сильный дождь, и затянувшиеся тучи создавали довольно неуютную атмосферу. Она быстро шагала домой и злилась. Злилась на себя за то, что не могла постоять за себя, злилась на отца, что он так рано бросил их семью, и теперь она активно ищет защиту в каждом новом мужчине, не разбираясь, что он на самом деле за человек. Она дошла до автобусной остановки и увидела плакат, рекламирующий реабилитационный центр, и вспомнила о сестре. Поток ее мыслей прервал оклик:

— Милая, вы уронили сумку, — мужской скрипучий голос.

Джесс обернулась, и земля ушла у нее из-под ног. Резкий удар по лицу разбил ей нос. Над Джесс стоял бродяга, держащий в руках какой-то

деревянный предмет, похожий на отломанную ножку стула.

— Отдай сумку. По-хорошему, — он склонился над ней и пытался выдернуть из ее рук спортивную сумку.

Джесс сопротивлялась, пытаясь вспомнить, что в такой ситуации делал бы тренер. Но все, что она могла сделать, — это с силой выпустить ее из рук и оттолкнуть нападавшего. Тот, не ожидая такого, ударился о лайт-борд с рекламой реабилитационного центра и съехал на землю. Джесс встала и попыталась встать в стойку. Бродяга ухмыльнулся и схватил с земли деревяшку. Дождь заливал за шиворот и бил холодными каплями по лицу. Бродяга резко кинулся на нее, как вдруг на полпути его оттолкнул огромный человек в балахоне. Сначала Джесси подумала, что это какой-то зверь, настолько он был огромным. Бродяга вылетел на дорогу и попал под пролетающую на большой скорости машину. Громкий вопль, звук тормозов и последующий хруст известили Джесси о судьбе нападавшего. Машина влетела в автобусную остановку и протаранила ее. Джесси повернулась поблагодарить своего спасителя, но увидела лишь скрывающийся в переулке силуэт. Шок и ужас сменился всплеском адреналина и, подхватив сумку с земли, Джесси побежала в переулок. Человек в балахоне был очень

быстрый и уже заходил за угол в конце улицы, только на миг он обернулся, чтобы посмотреть в сторону Джесси. Ее охватил ужас: она не увидела его лица. Огромная фигура, обтянутая длинным тканевым балахоном, скрывала как руки, так и лицо. Такое впечатление, что вместо лица была темная пропасть. Когда Джесси добежала до этого места, его уже и след простыл. Фигура скрылась в неизвестном направлении. Услышав звуки полицейской сирены, Джесси скрылась во тьме улиц.

* * *

Горячая ванна. Холодный пакетик со льдом на лице. Будоражащее сочетание разных температур очень быстро привело Джесси в чувство. Телевизор вещал на заднем фоне о погоде, а Джесси тем временем плескалась в ванне и собралась набрать сестру.

— Марта? — тишина на другом конце телефона. — Марта, это Джесси. Как ты там?

Громкий крик прорвал глухое молчание.

— Джесси, где ты находишься? Мы тебя уже столько времени ищем.

— Марта, ты еще на реабилитации? Прости, я не могу тебя навещать, мне очень непросто на все это смотреть.

— О чем ты говоришь? Джесси, тебе нужна помощь, где ты?

— Передавай привет маме, Марта!

— Не смей вешать... — гудки прервали ее крик.

Марта была не здорова, это очевидно. Перед отъездом в другой город Джесси и мама отправили Марту в реабилитационный центр для лечения от наркотической зависимости. После ухода отца из семьи Марта начала принимать героин. И теперь, судя по всему, у нее «едет крыша».

Дверной звонок прервал ее мысли. Она никого не ждала. Накинув полотенце и пройдя мокрыми ногами по холодному полу, Джесси заглянула в глазок. Это был Рэй. Тренер по айкидо.

— Прости, Рэй, но я очень устала, давай завтра?

— Открывай, Джесси, или я расскажу твоей семье, где ты находишься, — он зловеще хохотнул.

Джесси прикусила губу. Выпив в один из вечеров, она рассказала Рэю, что не хочет возвращаться домой к своей семье и всячески скрывается от встреч с ними.

— Хорошо, я сейчас оденусь и открою тебе!

— Не стоит, Джесс, мне и так подойдет, — он нетерпеливо стукнул в дверь.

Она накинула халат, собрала мокрые волосы в хвост и отворила дверь. На нее нахлынул едкий